

ЛИТЕРАТУРА

1. Статистический ежегодник Республики Беларусь, 2000. – Минск, 2000. – 582 с.
2. Статистический ежегодник Республики Беларусь, 2013. – Минск, 2013. – 578 с.
3. Жалдобин, В.В. Коневодство: исторический опыт развития, состояние и перспективы применения лошадей в Республике Беларусь / В.В. Жалдобин, А.Ю. Финогенов // Экология и животный мир. – Минск, 2011. – № 2. – С. 15 – 19.
4. Вакулич, Н. Племенной жеребец. И с хорошей скоростью / Н. Вакулич // Сельская газета. – 2014. – 4 янв. – С. 7.
5. Курец, А. Грациозный имидж «Мира» / А. Курец // Сельская газета. – 2014. – 4 янв. – С. 1, 6.
6. Старовойтова, Э. Невостребованные «тяжеловесы». Как приказ маршала Буденного звучит на Мстиславщине и по сей день / Э. Старовойтова // Сельская газета. – 2014. – 4 янв. – С. 6.
7. Герман, Ю.И. Коневодство Беларуси: проблемы и решения / Ю.И. Герман // Наше сельское хозяйство. – 2012. – № 1. – С. 89 – 94.
8. Архив Центра белорусской культуры, языка и литературы. Ф. 6. Оп. 14. Д. 97. Л. 72 об.
9. Текущий архив Брестского облисполкома.
10. Каминский, О. В меню для чемпионов овес и сено / О. Каминский // Белорусская нива. – 2008. – 10 сент. – С. 4.

УДК 82

**ТРАНСФОРМАЦИЯ ТРАДИЦИЙ ВОЛШЕБНОЙ СКАЗКИ
В ПОЭЗИИ ВЯЧЕСЛАВА ИВАНОВА***канд. филол. наук Л.Г. КАЯНИДИ***Смоленский государственный университет, Смоленск**

Проведен сравнительный анализ поэмы-сказки Вячеслава Иванова «Солнцев перстень» с морфологической и мотивно-образной структурой фольклорной волшебной сказки. Иванов следует поэтике фольклорной сказки, усложняя ее структуру для достижения образно-символической глубины. Центральным мотивом поэмы Иванова, как и волшебной сказки, становится змеборство, осмысленное в свете христианской символики.

Вячеслав Иванов неоднократно обращался к традиции устного народного творчества. Фольклорные мотивы и образы сопровождают творчество поэта с первых шагов на литературном поприще – книги лирики «Кормчие звезды», где было помещено несколько стилизаций под духовные стихи («Стих о Святой горе», «Под деревом кипарисным»), до конца творческого пути – итогового произведения синтетической жанровой формы «Повесть о Светомире-царевиче» [1].

Для поэтического мышления Иванова характерна тенденция к циклизации, и фольклорные темы, мотивы и образы концентрируются в пределах макроконтентных структур – циклов. Таких циклов в творчестве Иванова два: в книге «Кормчие звезды» – «Райская мать», а в книге «Сог ardens» – «Эпические сказания и песни». В обоих циклах Иванов отдает предпочтение жанру духовных стихов («Сон Матери-пустыни», «Стих о Святой горе», «Три гроба»).

В цикл «Эпические сказания и песни» Иванов включает помимо духовных стихов поэму «Солнцев перстень». Она представляет собой поэтическую стилизацию под народную сказку. «Солнцев перстень» находится в русле литературной традиции стихотворного переложения фольклорных сюжетов. На это указывает размер, которым написана поэма, – четырехстопный хорей. Такой же размер характерен для жанровых «предшественников» ивановской поэмы – сказок Пушкина и Ершова.

Произведение с сюжетом, идентичным «Солнцеву перстню», среди народных сказок нам найти не удалось. В книге «Сравнительный указатель сюжетов. Восточнославянская сказка» [2] встречается лишь несколько сюжетобразующих мотивов поэмы-сказки «Солнцев перстень». Из наиболее значимых укажем на два: путешествие в иное царство к солнцу с целью получения знания; возвращение змеборцем похищенного змеем светила (в нашем случае его субститута – кольца).

Отсутствие прецедентного сказочного текста не препятствует определению жанровой принадлежности поэмы «Солнцев перстень»: любой читатель отнесет ее к сказке, и даже более конкретно – к сказке волшебной. Даже без специального анализа здесь можно обнаружить традиционный сказочный антураж: присказки, героя и его антагониста, животных – волшебных помощников, путешествие в иной мир и чудесные превращения.

ЭТНАГРАФІЯ І ФАЛЬКЛОР

«Солнцев перстень» представляет собой единственный в творчестве Иванова образец стилизации под волшебную сказку. Поэт создает свою собственную символистскую волшебную сказку, используя традиционный набор фольклорно-поэтических средств, которые предоставляет этот жанр.

Цель нашей работы – на материале поэмы «Солнцев перстень» выяснить, какие формы принимают традиционные композиционно-структурные и мотивно-образные элементы фольклорной волшебной сказки в творчестве поэта-символиста Вячеслава Иванова.

Фабульная композиция

Универсальная повествовательная модель волшебной сказки, релевантная для ее фольклорного и литературного варианта, была предложена В.Я. Проппом. Композиция поэмы-сказки «Солнцев перстень» строго соответствует композиции волшебной сказки. В основе ивановского сказочного нарратива лежит та же последовательность функций, которая установлена для фольклорной сказки В.Я. Проппом [3]. Из 31 функции сказочного канона Иванов использует 18.

Результаты сравнительной характеристики повествовательных структур фольклорной сказки и поэмы-сказки Иванова можно представить в виде таблицы.

Таблица 1

Морфология волшебной сказки в поэме Вячеслава Иванова «Солнцев перстень»

№№	Функции действующих лиц волшебной сказки	Мотивы из поэмы «Солнцев перстень»	Минимальные контексты
1	2	3	4
1	Недостача	Безмянному герою-искателю не хватает знаний о судьбе Солнца после заката	<i>В ночь другое ль народится, / Аль, ожив, помолодится, Заиграет на юру, / Что сгорело ввечеру? [4]</i>
2	Испытание героя дарителем	Крылатый конь задает герою три загадки (о смерти, любви и Солнце-двойнике)	<i>Конь промолвит: «Уроню / Я тебя, седок, над бездной, / Коль не скажешь: тверди звездной / Что богаче?» Молви: «Смерть, / Что над твердью держит твердь.» / Загадает конь лукавей: / «Что горит зари кровавей?» / Молви: «Жаркая любовь, / Что по жилам гонит кровь.» / Втретье спросит о причине, / Почему в своем притине / Солнце кажется темно, / Словно черное пятно. / Отвечай: «Затем, что солнце / Сквозь срединное оконце / Под землю свысока / Видит Солнце-двойника. / Солнце верхнее приметит, / Что во рву глубоком светит, / Вдруг ослепнет, и темно, / Словно черное пятно.»</i>
3	Реакция героя на действия дарителя	Герой отвечает на загадки крылатого коня	<i>«Три кольца – мои загадки, / Три стрелы – твои разгадки: / Вышли стрелы в три кольца, – / Три добычи у ловца!»</i>
4	Получение волшебного помощника	Конь-даритель становится волшебным помощником	<i>Прянет конь сереброногий, / Лебединые крыла, / Золочены удила, – / Пышут ноздри жарче горна. / За узду хватай проворно, / Прыгай на спину коню.</i>
5	Первое пространственное перемещение между двумя царствами	Волшебный помощник переносит героя к границе эмпирического пространства	<i>Скажет конь: «куда ж нам метить? / День догнать, иль утро встретит?» / Ты в ответ: «Лети, скакун, / На луга, где твой табун, / Где берет в хомут ретивых / Солнце коней огнегривых <...></i>

1	2	3	4
6	Второе пространственное перемещение между двумя царствами	Новый волшебный помощник – змея-медяница ведет героя из эмпирического пространства в мистическое	<i>Глядь — откуда ни возьмись — / Медяница. Нитка змейкой / обернется, и ищейкой / Вниз ползет, по ступеням, / Самоцветным тем камням.</i>
7	Отлучка	Солнце (новый герой, не искатель, а жертва) покидает свою невесту – Вечернюю Зарю, сгорая на костре посреди своего подземного терема	<i>Опять сгораю, / И до срока умираю: / С новым жди меня венцом <...></i>
8	Запрет	Солнце завещает Вечерней Заре хранить свой перстень	<i>С новым жди меня венцом, / Солнцевым встречай кольцом. / Ты надень на перст, заветный, / Этот перстень самоцветный: / Встретишь с перстнем у ворот — / Станет мой солнцеворот. / Сбережешь залог прощальный, / Солнцев перстень обручальный, / Будешь ты моей женой / Вечно царствовать со мной»</i>
9	Вредительство	Одноглазая рыба крадет солнцев перстень, который Вечерняя Заря бросает в Океан, и относит его Утренней Заре	<i><...> Рыба — гостя не простая, / Одноглазка золотая, / В струйной зыби студенца, / Что ни вечер, ждет кольца. / Как царица перстень скинет, / Рот зубастый тать разинет, / Хвать — поймала перстенок.</i>
10	Недостача	Солнце остается без перстня	
11	Посредничество: герою сообщается о недостатке, к нему обращаются с приказанием ее ликвидировать	Утренняя Заря дает Солнцу указание вернуться к ней с перстнем, который она на него надевает	<i>«Женихом тебя я чаю, / А кольца не примечая,» — / Молвит: «что ж, мой светлый свет, / На тебе колечка нет? / Вот оно: надень заветный / Царский перстень самоцветный! / Выйдеши с перстнем из ворот — / Станет твой солнцеворот»</i>
12	Отправка	Солнце вынуждено отправляться в новый путь по небу	<i><...> по неволе, / Голубое должен поле / Плугом огненным пахать, / До межги не отдыхать.</i>
13	Пространственное перемещение героя-жертвы	Солнце катится на своей колеснице с востока на запад, от Утренней к Вечерней Заре	<i>Солнце — в путь <...></i>
14	Повторение функций 7 – 13 (до бесконечности)	Повторение мотивов 7-13 (до бесконечности)	<i><...> заклятое / То колечко золотое / Зорьке поздней выдает; / Зорька рыбке отдает; / Рыба влагою проточной / Мчит его к заре восточной; / А придверница Заря / Спросит перстень у царя, / Без того не помирится: / Так с начала дней творится, / Рыбьим ведовством заклят, / Солнца пленного возврат.</i>

Продолжение табл. 1

1	2	3	4
15	Борьба героя-искателя и вредителя	Герой попадает стрелой в рыбий глаз. Орел, третий волшебный помощник, вырывает стрелу с рыбьим глазом и приносит ее герою	<i>Каленую угоди / Рыбе в глаз! Орел бессонный / Из глазницы прободенной, / Молнией разрезав мглу, / Вырвет с яблоком стрелу.</i>
16	Победа над вредителем	Лишенная единственного глаза, рыба открывает герою секрет того, как положить предел вечному возвращению Солнца	<i>Кто б ты ни был, меткий луч- ник, / С милым светом мой раз- лучник, / Глаз ты выткнул мой, один: / Ты мне ныне господин.</i>
Вариант концовки № 1			
17	Мнимая ликвидация не- доставчи	Герой-искатель забирает себе солнцев перстень, оставляя рыбу живой в глубине Океана. Затем он прибывает к Утренней Заре (порубежной земле, т.е. сакраль- но окрашенной периферии эм- пирического пространства, ана- логичной пастбищу коней из солнечной колесницы); пользу- ясь солнцевым перстнем, стано- вится ее мужем вопреки ее воле, т.е., другими словами, ложным героем, и принимает на себя функции Солнца	<i>Путь обин: коль перстень вы- нешь, В глубь живую рыбу кинешь, – Залетишь ты на орле К порубежной той земле, Где ключи зари восточной Перед Солнцем в час урочный Размыкают створы врат. Будешь ей жених и брат, Ненавистный, неизбежный; Но красавицей мятежной Овладеешь, и тебе Покорится, как судьбе, Самовластная царица. И царева колесница, И царева четверня С мощью света и огня – Все пойдет тебе в добычу: Так владыку возвеличу. Солнце в темный склеп замк- нешь; Солнцем новый бег зачнешь.</i>
18	Герой возвращается из иного царства.		
19	Ложный герой предьявля- ет необоснованные притя- зания		
20	Ложный герой приобрета- ет новый облик (трансфи- гурация)		
21	Свадьба ложного героя с царевной		
Вариант концовки № 2			
17	Мнимая ликвидация не- доставчи	Герой-искатель забирает себе солнцев перстень, убивая вол- шебную рыбу. Затем он возвра- щается в эмпирическое, профан- ное пространство (обитаемая земля) и узурпирует функции Солнца – давать и отнимать свет. Однако он не становится Солн- цем, а только слышит им.	<i>Путь другой: как перстень вы- нешь, Если мертвой рыбу кинешь, – Возвратишься на орле К обитаемой земле. Тень и мрак легли по долам; Плач и стон стоят по селам: Не минует ночи срок, Не прояснится восток. Солнцев перстень ты покажешь, Чары темные развяжешь, Мир собою озаришь И под ноги покоришь. Просльвешь в молве народа Солнцем, гостем с небосвода Будешь с перстнем царевать, Свет давать и отымать. Поклонясь, будут люди Мощь твою молить о чуде; Солнцу, сшедшему царить, Ладан сладостный курить.</i>
18	Герой возвращается из иного царства.		
19	Ложный герой предьявля- ет необоснованные притя- зания		
20	Мнимая трансфигурация ложного героя		

1	2	3	4
Вариант концовки № 3			
17	Действительная ликвидация недостачи	Разрушение чар вредителя связано с явлением невидимого лика Солнца одновременно с видимым. Символом этого явления становится нахождение солнца перстня и в верхней, и в нижней пространственной сферах.	<i>Если мне кольцо оставишь, Царской славой не прославишь Темной участи седей; Но лишь третий из путей Жало чар моих потушит, Волхование разрушит. Лишь тогда явит свой лик Солнца зримого двойник, – На кого с притина Солнце Сквозь срединное оконце Глянув – слепнет, и темно, Словно черное пятно. Чтобы власть его восставить И пути пред ним исправить, Ты, доверившись орлу, В светлый скит носи стрелу. Есть двенадцать душ в пустыне: О невидимой святыне День и ночь подъемля труд, Храм невидимый кладут. Там, где быти мнят престолу, Ты стрелу зелену долу, Кровь мою земле предай И росточка поджидай. Процветет цветистой славой Куст душистый, куст кровавый; Всех цветней единый цвет, Краше цвета в мире нет. Цвет пылает, цвет алеет, Ветерок его лелеет, – / Вдруг повеет – и легка, Отделясь от стебелька, Роза, сладостною тенью, По воздушному теченью, Как дыханье сна, плывет, За собой тебя зовет. В Розе, темной и прозрачной, Что сквозит, как перстень брачный? – Не гляди, не вопрошай; За возжатой поспешай Через доли, через горы, Недр земных в глухие норы; Нежной спутнице внемли; Весть заветную земли, Странник темный, странник верный, Ты носи во мрак пещерный! В преисподнем гробе – рай... Три судьбины: выбирай.»</i>
18	Герой-искатель возвращается из иного царства и становится волшебным помощником героя-жертвы – Солнца	Герой-искатель становится волшебным помощником героя-жертвы и совершает мистико-символический акт соединения земного и небесного: он относит стрелу с рыбьим глазом в эмпирическое пространство, закапывает ее на месте алтаря невидимого храма, который созидают 12 праведников. Там вырастает роза с ликом Христа, который сквозит, как брачный перстень. Эту розу необходимо поместить в пещеру, в глубь земли, чтобы преисподняя стала раем.	
19	Узнавание истинного героя		
20	Его трансфигурация		

Первой, наиболее очевидной, особенностью нарративной структуры поэмы-сказки «Солнцев перстень» является двусказочность, т.е. сочетание двух последовательностей функций, связанных с разными

героями [3, с. 63]. После второго пространственного перемещения безымянного героя-искателя сказочная фабула усложняется: возникает вторая сюжетная линия, где действует другой герой – само Солнце. Недостачей первой сказки становится отсутствие знаний о судьбе Солнца, второй – потеря волшебного перстня. Но две сюжетные линии поэмы-сказки не гетерономны, они взаимно пересекаются. Вторая сказка словно вбирает в себя первую и вся целиком как бы становится ликвидацией недостачи в первой, поскольку восполняет недостаточность знаний о мистической судьбе Солнца.

Необходимо отметить, что большим «удельным весом» наделяется именно вторая сказочная фабула. Она обладает более широким арсеналом функций и поглощает первую сюжетную линию: ее безымянный герой в итоге утрачивает свой «героический» статус и становится либо ложным герцем, либо волшебным помощником.

Анализ поэмы-сказки Иванова подтверждает гипотезу исследователей о том, что для литературного варианта волшебной сказки характерна двусказочность как композиционный прием [5, с. 110].

Для второй сказки в поэме характерна бесконечная повторяемость определенного набора функций (от отлучки до пространственного перемещения) при отсутствии ликвидации недостачи. Такой прием построения сказочного сюжета – бесконечно повторение ряда мотивов – не является уникальным для сказочного жанра, однако он свойственен, как правило, сказкам бытовым и носит комический эффект, который в данном случае отсутствует.

Нельзя обойти вниманием также такую особенность ивановской сказки, как открытый финал. Перед героем-искателем, прошедшим посвящение в мистические тайны бытия, открывается три пути, выбор которых зависит от его свободной воли. Очевидно, что только третий вариант можно считать ликвидацией начальной недостачи, однако Иванов оставляет повествование принципиально незавершенным, подчеркивая свободу деятельного участия человека в решении мировых судеб.

Выбранный Ивановым прием завершения повествования противоречит жанровой природе фольклорной сказки, но отвечает одному из постулатов мировоззрения символистов о теургическом предназначении человека, который должен после обретения мистического опыта свободно осуществить его в жизни, став помощником Творца, исполнителем Его воли (*на лице земном напечатлеть богоявленный Идеал*) [6, 537].

Мотивно-образная структура

Вячеслав Иванов использует традиционную систему персонажей фольклорной сказки (герой, вредитель, отправитель, даритель, волшебный помощник, царевна, ложный герой). Однако эта система подвергается трансформации, которая выражается в нагнетании функционально-образного синкретизма: герой-искатель предстает то как волшебный помощник, то как ложный герой; антагонист героя (одногоглазая рыба) выступает одновременно как вредитель и даритель; волшебный помощник (конь) – как даритель, а царевна (Утренняя Заря) – как вредитель и отправитель.

Образ героя в поэме Иванова подвергается удвоению. Оно объясняется философскими установками Иванова. Для него исключительную ценность имеют категории микрокосма (человеческая душа) и макрокосма (Бог), оформившиеся в качестве философских категорий в средневековой философии. Героев в поэме два – Солнце и безымянный герой (Иван-царевич?). Первый – герой в макрокосмическом аспекте, второй – в аспекте микрокосмическом. Первый – жертва, второй – искатель: второй ищет первого, а первый претерпевает приключения.

По наблюдениям В.Я. Проппа, первоначально герой в сказке – это тот, кто был проглочен и выbralся из утробы поглотителя [7, с. 310]. Солнце (в виде своего субститута – перстня) проглатывается рыбой, а потом возвращается в преображенном виде на землю. Затем героем становится тот, кто уничтожил поглотителя извне, не проходя сквозь него. Таков безымянный герой ивановской сказки. Условие героизации – кагабазис, нисхождение в царство смерти. И Солнце, и безымянный герой выполняют это условие, нисходят в нижний мир, преисподнюю.

Важнейшим мотивом поэмы-сказки «Солнцев перстень» (в полном соответствии с традицией фольклорной сказки) становится посещение иного царства. Оставаясь сюжетобразующим, этот мотив подвергается видоизменению, говоря конкретнее – усложнению. Иных царств в поэме три.

Первое находится на периферии эмпирического пространства, на самой границе видимого мира, где *небес дуга с землею/ Золотой свита шлеюю,/ Где сошелся клином свет,/ Ничего за тыном нет*. Оно отделено от профанного пространства *маревом тумана*. Пограничный топос имеет золотую окраску. Это главный признак иного царства в волшебной сказке. Кроме того, здесь растут сады с золотыми плодами, обитают жар-птицы, пастбища коней из солнечной колесницы окрашены в янтарный цвет. Иное царство традиционно связано с горизонтом. Крылатый конь как раз переносит героя к месту, где небо сливается с землей.

Второе иное царство расположено под землей, в глубине художественного пространства и является мистическим. Там тоже все окрашено в золотой цвет. Проводником героя в мистическую сферу является новый волшебный помощник – змея. Перемещение в мистическую сферу, второе иное царство становится залогом ликвидации недостачи для героя-искателя.

В отличие от первого иного царства, которое предстает как открытый топос, второе представляет собой замкнутый локус – солнцев терем. Оно находится с первым в отношениях символического подобия, или изоморфизма: солнцев терем оказывается символом мироздания в целом, в новой форме повторяющем его черты. Солнцев терем окружает 360 золотых столбов, которые обвивают спящие драконы; на столбах – золотые *турьи черепа*, на которых сидят орлы. Посередине двора находится яма и костер, перед которыми сидит покрытая одеялом вечерняя Заря, Невеста Солнца. Появляясь во дворце, Солнце стораец на костре и, отдав Заре свой перстень, погружается в яму. Несложно заметить, что события в мистической сфере повторяют в персонифицированной форме события в сфере эмпирической: смерть солнца на костре ставится в символическую параллель к закату. В мистической сфере приоткрывается тайна этой смерти: она оказывается жертвой. На это указывают атрибуты солнечного терема, пронизанные жертвенной символикой. Орел, тур и дракон знаменуют разные моменты жертвоприношения Солнца. Орел выступает как жрец, приносящий себя самого в жертву (он вырывает стрелу с рыбьим глазом – символом солнца, т.е. умерщвляет сам себя) [8; 46 – 49]. Его трансформация – это мертвый тур, знаменующий уже свершившееся жертвоприношение [8; 75 – 77]. И, наконец, дракон – сама жертва, подземная ипостась Солнца, ночное Солнце-двойник [8; 98 – 103]. Количество столбов соотносится с количеством дней, когда Солнце приносит себя в жертву.

Третье иное царство – это чрево одноглазой рыбы, куда попадает солнцев перстень – субститут Солнца, его невидимый лик. По сравнению с первыми двумя иными царствами, эмпирическим и мистическим, третье следует назвать метафизическим или архетипическим. Одноглазая рыба с перстнем во рту становится эмблематическим прообразом всего мироздания в целом: ее единственный глаз – аналог Солнца (символ макрокосма и эмпирической сферы), а перстень – аналог иного лика Солнца, Солнца-двойника (символ микрокосма, мистической сферы). Таким образом, проглатывание перстня становится аналогом путешествия претерпевающего при этом преобразование героя (Солнца) в иное царство.

В ивановской поэме мы наталкиваемся на своеобразную градацию волшебных помощников. Их у героя-искателя три: сначала – крылатый конь, затем змея и, наконец, орел. Умножение их числа связано с особенностями пространственной структуры поэмы. Конь переносит героя из профанного в сакральное пространство, на периферию видимого мира. Змея выступает в качестве проводника в глубь земной сферы, в мистическое пространство. А орел оказывается вожатым из глубины вверх, из мистического в эмпирическое пространство.

Помимо посещения иного царства, еще одним сюжетобразующим мотивом поэмы-сказки «Солнцев перстень» становится змеборство. Это древнейший сказочный мотив. У Иванова, однако, нет змея как такового, но есть другое териоморфное существо – одноглазая рыба. И змей, и рыба – два равноправных варианта чудовища – противника героя. В исторической перспективе рыба даже древнее, чем змей [7, с. 334].

Рыба выступает как поглотитель и переносчик: она глотает солнцев перстень и переносит его на восток, к утренней Заре. Как и сказочный змей, рыба у Иванова – двойственный персонаж, существо одновременно зловредное и благое. Осужденность Солнца на вечное умирание и рождение, разделенность мироздания на две расколотые части (верхнюю, эмпирическую, и нижнюю, мистическую) связано с чародейством рыбы. Но, побежденная героем, она делится тайным знанием о том, как разрушить ее чары и преодолеть космическую раздробленность.

Важнейшей особенностью ивановской поэмы-сказки является также мотивно-образный изоморфизм. Он пронизывает все произведение. Так, в отношениях символического подобия находятся загадки, которыми даритель испытывает героя; внешний облик столбов, окружающих солнцев терем, и стрела с рыбьим глазом, с помощью которой ликвидируется недостача второй сказки и Солнце (символ макрокосма) воссоединяется со своим невидимым ликом, солнцевым перстнем (символом микрокосма). И те, и другие, и третья иконически представляют собой анх, «египетский крест, *сгх ansata*, сочетающий в себе круг и Т-образное перекрестие двух прямых» [9; 14].

Загадки волшебного помощника вкупе с отгадками героя образуют три анха: *Три кольца — мои загадки, / Три стрелы — твои разгадки: / Вышли стрелы в три кольца, — / Три добычи у ловца!* Визуальное сходство египетского креста с кольцом, пронзенным стрелой, подтверждается тем, что три разгадки удивительным образом совпадают с теми значениями, которые вкладывались в этот символ. Смерть, Любовь и Солнце-двойник – это не только ключевые слова, открывающие доступ в иное царство, но и три значе-

ЭТНАГРАФІЯ І ФАЛЬКЛОР

ния анха. Анх переводится как «жизнь», «процветание», но его прикрепляли к мумиям, и в загробном мире он служил ключом от врат Смерти [9;14]. Анх связан также с мифологемой ночного, подземного Солнца, т.е. Солнца-двойника. Горизонтальная линия обозначает землю, круг – закатное солнце, а вертикальная линия – последний луч, соединяющий небо и землю [10; 440].

Анх становится эмблематическим архетипом соединения видимого и невидимого лика Солнца, макрокосма с микрокосмом, Бога с человеком. На его интегрирующую роль указывают мотивы, которые мы находим в поэме. В виде стрелы с рыбьим глазом (из иного царства, мистической сферы) он становится корнем, из которого вырастает роза – тот же анх, но уже в эмпирической сфере.

Жертвенный характер единения двух ликов единого Солнца, макрокосма с микрокосмом утверждается образом столбов вокруг солнцева терема (о них речь шла выше). Их облик также иконически перекликается с анхом: турьи черепа – аналог круга вверху креста и, стало быть, Солнца, макрокосма, драконы – аналог перекрестия и, значит, невидимого лика Солнца, микрокосма.

Нельзя не отметить, что в финале поэмы фольклорные, языческие образы трансформируются в христианские. Появляются аллюзии на Священное Писание. Рыба говорит: *Чтобы власть его восставит/ И пути пред ним исправить,/ Ты, доверившись орлу,/ В светлый скит неси стрелу* [6]. Это перифраз слов Иоанна-Крестителя: «глас вопиющего в пустыне: приготовьте путь Господу, прямыми сделайте стези Ему» (Мф. 3,3). Религиозная лексика (скит, храм, святыня, престол, преисподняя, рай) не оставляет сомнений в том, что под образом двуликого Солнца кроется Христос распятый, сошедший в ад и воскресший.

В поэме задается вопрос: *В Розе, темной и прозрачной,/ Что сквозит, как перстень брачный?* Ответ мы находим в стихотворении «Примитив». Это – Христос: *Мне смилось: Цвет Единый/ Возрос из тайника,/ Где Корень свит змеиный,/ В эфир листвою сочной;/ И Агнцс непорочный/ На пурпуре Цветка* [11, с. 30].

Выводы

1. Создавая поэму, стилизованную под волшебную сказку, Вячеслав Иванов опирался на фольклорную традицию, при этом видоизменял ее, не нарушая и не разрушая ее. Эта трансформация фольклорной традиции достигается путем предельной концентрации разнообразных средств сказочной поэтики в рамках одного произведения, а также путем их усложнения (удвоения или утроения, наложения одного на другое). Удваивается образ героя и царевны, а также последовательность функций. Утроению подвергаются образы волшебных помощников героя-искателя, образ иного царства.

2. Для фабульной композиции ивановской поэмы-сказки характерна двусказочность, прием бесконечного повторения ряда мотивов, незавершенность повествования, открытый финал. Иванов опирается на традиционные нарративные элементы сказки, из 31 функции используя 18.

3. Для мотивно-образной структуры ивановской сказки характерно удвоение образа героя и царевны, утроение волшебных помощников героя-искателя, а также образа иного царства и мотива его посещения. Центральным становится мотив змеборства в своем архаичном варианте (териоморфным существом оказывается рыба). Одним из признаков мотивно-образной системы ивановской сказки является архетипический изоморфизм: ряд ключевых мотивов и образов восходят к анху как символическому архетипу.

4. Сказочные образы, мотивы и функции обретают новую смысловую глубину. Это происходит потому, что они участвуют в создании оригинальной символики поэмы и наделяются семантикой, нехарактерной для волшебной сказки. Инвариантом ивановской сказки становится взаимоотношения макрокосма (Бога) и микрокосма (человека), озаменованные сказочными образами героя-искателя, Солнца и солнцева перстня.

ЛИТЕРАТУРА

1. Топорков, А.Л. Источники «Повести о Светомире-царевиче» Вяч. Иванова: древняя и средневековая книжность и фольклор / А.Л. Топорков. – М.: Индрик, 2012. – 496 с.
2. Сравнительный указатель сюжетов: Восточнославянская сказка. – Л.: Наука, 1979. – 437 с.
3. Пропп, В.Я. Морфология волшебной сказки / В.Я. Пропп. – Л.: Наука, 1969. – 168 с.
4. Здесь и далее текст поэмы «Солнцев перстень» цитируется по: Иванов В.И. Собрание сочинений. Т. III. – Брюссель, 1974. – С. 472 – 482.
5. Закроева, Г.А. Фольклорные традиции в сказках А. Боровецкой / Г.А. Закроева // Смоленск. филолог. сб.: тр. молодых ученых. Вып. V. – Смоленск: Изд-во СмолГУ, 2013. С. 102 – 110.
6. Иванов, В.И. Собрание сочинений / В.И. Иванов. – Т. I. – Брюссель, 1971. – 872 с.
7. Пропп, В.Я. Исторические корни волшебной сказки / В.Я. Пропп. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1986.

8. Павлова, Л.В. «У каждого за плечами звери»: символика животных в лирике Вячеслава Иванова: монография / Л.В. Павлова. – Смоленск, 2004. – 264 с.
9. Мифы народов мира. Энциклопедия: в 2 тт. Т.1. – М., 1980. – 648 с.
10. Троицкий, В.П. Древнеегипетский «анх» в символической поэтической прозе В. Иванова / В.П. Троицкий // Вячеслав Иванов. Архивные материалы и исследования. – М.: Русская словесность, 1999. – С. 433 – 442.
11. Иванов, В.И. Собрание сочинений / В.И. Иванов. – Т. III. – Брюссель, 1979. – 896 с.

УДК 392

ЮРАЎСКАЯ АБРАДНАСЦЬ НА ВІЦЕБСКА-ПСКОЎСКИМ ПАМЕЖЖЫ

канд. гіст. навук, дац. Т.І. КУХАРОНАК,

Цэнтр даследаванняў беларускай культуры, мовы і літаратуры НАН Беларусі, Мінск

У артыкуле на аснове друкаваных і архіўных матэрыялаў ахарактарызаваны рэгіянальна-лакальны адметнасці юраўскай абраднасці ў арэале Віцебска-Пскоўскага памежжя. Дадзены абрадавы комплекс у даследаваным арэале, які з'яўляецца зонай кантактаў і ўзаемаўплываў дзвюх блізкароднасных беларускай і рускай традыцыйных культур, уключае ў сябе разнастайныя звычкі, абрадавыя дзеянні, песні, гульні, прыкметы і павер'і, спалучэнне якіх утварае некалькі істотных кампанентаў гэтага свята, з якіх складаюцца мікралакальныя яго версіі. Шырока прадстаўлены выказванні і меркаванні саміх носьбітаў мясцовых каляндарных традыцый.

Кардынальныя змены, што адбыліся ў розных галінах жыцця народаў на постсавецкай прасторы, абумовілі актуальнасць праблем міжнацыянальнага культурнага ўзаемадзеяння, якія сёння знаходзяцца ў цэнтры навукова-даследчых і культурна-практычных інтарэсаў сучаснага народнаўства. Асаблівы інтарэс выклікаюць пытанні, што групуюцца вакол паняцця “палітыка-адміністрацыйная мяжа”. Амбівалентны характар яе відавочны: з аднаго боку яна выконвае дыстантуючую функцыю (нават калі ў рэгіёне пражывае этнічна аднароднае насельніцтва), з другога – кансалідууючую, калі прадстаўнікі розных сучасных дзяржаў на аснове захавання старажытнай культурнай еднасці фарміруюць гамагенныя культурныя арэалы са сваімі спецыфічнымі рысамі [1, с. 12].

У гэтым кантэксце беларуска-расійскае памежжя ўяўляе асаблівы культурны арэал, дзе ў якасці дамінуючай рысы выступае высокі ўзровень культурнай і гістарычнай еднасці. З 2013 года групай беларускіх і расійскіх этнолагаў і фальклорыстаў па Фонду фундаментальных даследаванняў вядзецца распрацоўка тэмы «Арэальная структура беларуска-рускага лінгвакультурнага памежжя: мова і фальклор»¹, у межах якой былі сабраны, сістэматызаваны і абагульнены фальклорна-этнаграфічныя матэрыялы па традыцыйнай каляндарнай абраднасці беларусаў у памежных з Пскоўскай вобласцю раёнах (Верхнядзвінскі, Віцебскі, Гарадоцкі, Полацкі, Расонскі) Віцебскай вобласці. Каляндарная абраднасць даследуемага арэала, знаходзячыся на мяжы беларускай і рускай абрадавых традыцый, мае шмат агульных рысаў, што выяўляюцца як у структуры абрадаў, у выкананні рытуалаў, захаванні іх сэнсу і парадку, у моўных асаблівасцях, так і нацыянальна-адметных асаблівасцей, бо “абумоўленасць фальклорнай культуры, яе зместу, структуры, функцый рэгіянальнымі і лакальнымі фактарамі сацыяльна-этначнага парадку несумненна” [2, с. 145].

Юр'я – адно з найбольш багатых у сваім абрадавым напам'яненні свят беларускага народнага календара. Мае пастаянную дату правядзення: паводле праваслаўнага календара адзначаецца 6 мая² ў дзень святога вялікапакутніка Георгія Пераможцы. Сінкрэтычны вобраз святога Георгія (Юр'я, Ягор'я) шырока адлюстраваны ў фальклоры, народным і прафесійным жывапісе, літаратуры і скульптуры. Паводле традыцыйных уяўленняў беларусаў, святы Юр'я – “Божы ключнік”, бо ў яго знаходзяцца ключы, якімі ён замыкае зіму і адмыкае вясну. Ён – валадар, што ў дзень свята адмыкае зямлю і выпускае расу, благаслаўляе ўсё навокал: зямлю, людзей, жывёл, а таксама з'яўляецца ахоўнікам жывёлагадоўлі і земляробства, абаронцам статкаў ад дзікіх звяроў. Ад святога Юр'я ў многім залежаў поспех сялянства ў гэтых відах дзейнасці і ў рэшце рэшт яго дабрабыт.

¹ дагавор № Г13Р-005 ад 16.04. 2013 г.

² Дзень памяці святога Георгія адзначаецца таксама 9 снежня (восеньскі ці зімовы Юр'я), але з гэтым днём звязана значна менш народных звычаяў і абрадаў беларусаў.